

Хрушкова Л.Г. Лыхны. Средневековый дворцовый комплекс в Абхазии. М.: «Наука», 1998. 112 с. с 65 чертежами, 40 ч/б табл., 13 цветных илл.

Монография археолога Л.Г. Хрушковой представляет собой ценное исследование памятника средневековой культуры. В ней рассмотрен дворцовый комплекс Лыхны – древнего исторического центра Абхазии. Работа четко структурирована, состоит из историографического введения, трех глав, заключения и резюме на английском языке.

В первой главе приводится археологическое исследование дворца, включая порядок работ и описание отдельных раскопок, а также кратко приложены результаты исследования Лыхненской церкви, входившей в единый архитектурный комплекс с дворцом. Во второй и третьей главах автор реконструирует первоначальные формы дворца и выявляет этапы его перестроек.

Ценность монографии заключается прежде всего в том, что автор непосредственно активно изучал фактический материал в процессе археологических раскопок дворца, проводимых им в 1981–1984 гг. Подробное описание и грамотная фотофиксация результатов раскопок свидетельствуют о высоком профессионализме проф. Л.Г. Хрушковой и позволяют читателю четко представить структуру дворца и его отдельные фрагменты.

Работа в полной мере основана на методе архитектурной археологии. В ней досконально раскрыты археологическая стратиграфия, строительная техника, объемно-пространственная композиция и декоративное убранство постройки. Рассматривая памятник в его историческом окружении, автор отмечает тесную градостроительную взаимосвязь дворца с крестовокупольной церковью Лыхны и площадью, разделяющей эти два сооружения, а приводимое сравнение с топографией центральной части Константинополя выглядит вполне уместным (с. 74). Анализ архитектуры комплекса и предметов материальной культуры, обнаруженных при раскопках, включает их рассмотрение как в кругу абхазских памятников, так и на широком фоне искусства и строительной культуры Византии, Грузии, Армении и мусульманских стран. Это выгодно отличает работу, обогащает ее выводы. Метод многоаспектного изучения материала, широта эрудиции и свойственная археологу аккуратность работы с памятником убеждают в верности выявления строительных слоев, соответствующих различным этапам возведения дворца. Значительным открытием является обнаружение древнейшего периода существования комплекса. В результате основа памятника, долгое время датируемая XV–XVIII вв., по праву отнесена автором к средневизантийскому времени.

В эту же эпоху произошла его первая реконструкция. Сделанный на основе анализа обнаруженного клада с монетами вывод о существовании дворца уже в этом, перепланированном, виде до пожара 1080 г. неоспорим. Некоторое сомнение вызывает лишь датировка дворца в том же виде времени абхазского царя Леона III (957–967), выдвинутая автором на основании известной строительной активности этой личности и на отдельных сопоставлениях архитектурно-археологического материала, на что хотелось бы обратить внимание.

Среди приводимых аргументов – присутствие купола с гуртами на барабане с полукруглыми нишами в вестибюле дворца, ближайшим и наиболее ранним аналогом которого автор видит купол Мирелеона (Будрум Джами) в Константинополе (ок. 922 г.). Согласно последнему и наиболее подробному исследованию памятника, храм предположительно между 1203 и 1261 гг. был разрушен и восстановлен уже ок. 1300 г., когда была возведена основная часть нынешних стен и, вероятно, круглые колонны были заменены на столбы¹. Следовательно, перекрытия храма, включая и купол, относятся ко времени перестройки. На XIII–XIV вв. приходится большинство известных точно датированных византийских куполов подобной формы.

В вопросе поиска аналогий керамопластического декора на фасадах дворца безусловно надежнее опираться на сохранившиеся постройки XI–XII вв. [в первую очередь это упоминается автором церковь Христа Пантеоптоса в Константинополе 1085–1090 гг.], в контекст которых вписывается абхазский памятник, хотя автор впра-

¹ *Striker C.L. The Myrelaion (Bodrum Camii) in Istanbul. Princeton, 1981. P. 29–33.*

ве опираться и на мнение о более раннем существовании такого оформления (с. 72), тем более, что в самой Абхазии есть пример подобной декорации в Пицундской церкви, относимой к X в. (с. 73). То же можно сказать относительно использования во дворце сталактитовых парусов, которые не встречаются в памятниках X в. (среднеазиатские образцы имеют относительную датировку). Автор исследования выявил принципиальное отличие лыхненского дворца – каменной постройки – от остальных памятников с керамопластическим декором, которые сооружены либо из кирпича, либо в смешанной технике (с. 73). И это не исключение. Именно декоративное использование кирпича на фасадах каменных сооружений характерно для некоторых памятников XI в. в Малой Азии: церкви Чанли килисе в Каппадокии² и Челтикёрен в Гонориасе³. Стрельчатые арки (на фасадной аркатуре дворца) наряду с подковообразными (в вестибюле) характерны для той же церкви Чанли килисе и для храма в Ишхане, перестроенного в 1032 г. при Баргате IV, а сама форма стрельчатой арки появляется в христианской архитектуре не ранее конца X в. В Армении, где, возможно, эта форма возникает очень рано и широко используется в строительной школе Ани-Ширака, впервые она представлена в соборе Аргины (973–992 гг.). Генетическая связь некоторых из этих архитектурных форм с зодчеством мусульманского Востока в случае лыхненского дворца не может быть непосредственной, так как это противоречило бы резонному заключению автора о приглашении мастеров из Византии, знакомых с «восточными» строительными приемами (с. 78). Следовательно, учитывая архитектурные аналогии, перестройку дворца можно отнести к концу X – середине XI в., а ее исполнение, кажется, правильнее связывать не с константинопольской, а с малоазийской строительной традицией XI в., которой отчасти свойственно было подражание престижным столичным образцам.

Однако приводимый автором археологический материал (особенно керамика) позволяет относить памятник к X в. (с. 78–80). По крайней мере такое заключение справедливо для первоначальной плановой структуры дворца. Возникает вопрос, не мог ли отсутствовать культурный слой, который должен был соответствовать стадии существования дворца между временем его перестройки и пожаром 1080 г.? Положительный ответ на этот вопрос предполагает датировку перепланировки дворца незадолго до пожара.

Сложность решения всего комплекса этих вопросов отмечается в работе. К чести автора следует отметить отсутствие категорических выводов о датировке первой перестройки дворца. В исследовании лишь предлагается ее вероятная дата (с. 80). К тому же, этот вопрос не основной в работе и его неопределенность не умаляет ее значения. Он может быть решен после подробного изучения и датировки церкви Лыхны, которая пока предположительно относится к X–XI вв. (нельзя исключить дату около 1066 г., поскольку в грузинской надписи на хорах нартекса, одновременной росписи храма, упоминается комета этого года) (с. 60). Л.Г. Хрушкова указывает на сходство археологического материала, обнаруженного при раскопках дворца и церкви, и на сходство строительной техники, и относит их появление к одной эпохе, предполагая начало строительства комплекса с дворца (с. 61). По сути дела, причиной туманности в определении даты дворца является наша плохая осведомленность о средневековом строительстве в Абхазии, памятники которой не изучены подробно, и только комплексный подход к их исследованию, какой проявлен в предложенной нам работе, может привести в дальнейшем к более четкой расстановке хронологического ряда и к уточнению места архитектуры региона в рамках культуры Византии и Кавказа.

Интересно и подробно изложены также сведения, относящиеся к эпохе возрождения жизни во дворце в XII–XIV вв., его последней перестройке и последующей истории. Параллельно дается ценный материал архитектурного комплекса Айлага-Абыку в Абхазии, обследованного и заново обмеренного автором.

² Ousterhout R. The 1994 Survey at Akhisar-Çanlı Kilise // *Arastirma Sonuçları Toplantısı*. XIII. Ankara, 1996. P. 165–180; Restle M. Studien zur frühbyzantinischen Architektur Kappadokiens // *TIB*. Bd. 3. 1979. S. 53–55. Abb. 94–100.

³ Ötügen Y., Ousterhout R. The Byzantine Church at Celtikdere // *Studien zur byzantinischen Kunstgeschichte*. Featschrift für H. Hallensleben. Amsterdam, 1995. S. 85–92; Belke K. Paphlagonien und Honorias // *TIB*. Bd. 9. 1996. S. 183. Abb. 22, 23.

Таким образом, книга Л.Г. Хрушковой наряду с ее предыдущими статьями является редким столь подробным и многосторонним исследованием памятника Абхазии, проведенным на широком фоне средневековой культуры Средиземноморья, Кавказа и Средней Азии. Приятно осознавать, что, несмотря на сложность нынешней политической ситуации в регионе, в работе полностью отсутствуют оттенки предвзятости. Она исключительно полезна для историков, археологов и искусствоведов, работающих в области византистики.

А.Ю. Казарян

Иконостас. Происхождение – Развитие – Символика / Под ред. А.М. Лидова. М.: «Прогресс–Традиция». 2000. 750 с., илл.

Едва ли не впервые за всю историю русской исторической науки в России была издана книга, полностью посвященная иконостасу вообще, а не иконостасу конкретного храма, а также проблемам, связанным с иконостасом. Речь идет об иллюстрированном томе, вышедшем под редакцией А.М. Лидова. Этот сборник статей отечественных и зарубежных историков православной культуры, основу которого составляет материал международного симпозиума, проведенного в июне 1996 г. Центром восточнохристианской культуры. Он уже зарекомендовал себя изданиями, посвященными структурообразующим феноменам истории Христианского Востока.

Подобные симпозиумы и сборники статей обычно посвящены вопросам, которые традиционно находятся в компетенции историков средневекового искусства¹. Однако это не означает, что проблема иконостаса имеет лишь узкопрофессиональное значение. Следует признать несомненный факт: иконостас как явление и как продукт православного религиозного сознания масштабен. Очевидно, поэтому особое значение этого феномена и для России, где были созданы наиболее сложные и величественные варианты алтарной преграды – многоярусный иконостас, полностью закрывающий собой алтарь храма.

Актуализация проблемы иконостаса и была целью международного симпозиума и недавно вышедшего сборника. Советская эпоха, прервавшая блистательное развитие русской школы специалистов по восточнохристианской культуре, смогла посвятить иконостасу изрядное количество конкретных штудий, по идеологическим причинам редко претендовавших на обобщения. Между тем исследование частных аспектов истории алтарной преграды притупило вкус к ее целостному восприятию. Проблему пришлось ставить заново. Поэтому естественно, что сборник и конференция не претендуют на звание отчетно-показательных. Их задача – доказать, что над темой иконостаса можно увлеченно и плодотворно работать. Вступительная статья А.М. Лидова недвусмысленно дает понять, что старые «итоги» не отменяют новых перспектив. Нет сомнения, что это предполагает появление не только обобщающих, но и сугубо специальных трудов, в которых речь пойдет о деталях убранства отдельного храма, например, Софии Новгородской (ст. Э.С. Смирновой) или об иконографической классификации икон из определенного ряда иконостаса (ст. И.А. Кочеткова). Однако дальнейшие и более сложные интерпретации возможны только на основе подобной сухой конкретики, и в сборнике есть несколько статей интерпретационного плана. В них раскрывается символика важнейших смысловых узлов алтарной преграды, прежде всего ее врат (ст. И.А. Шалиной, Т. Сизоненко), анализируются глубинные пласты семантики отдельных изображений (ст. М. Бобрик), рассматриваются вероятные прообразы высокого иконостаса (ст. А.М. Лидова), восстанавливаются возможные связи иконостаса со средневековыми представлениями о Страшном суде (ст. Л.М. Евсеевой), едва ли не впервые исследуется типология иконостасов конца XVII в. (ст. И.Л. Бусевой-Давыдовсой).

¹ Иерусалим в русской культуре. М., 1994; Восточнохристианский храм. Литургия и искусство. СПб., 1994; Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996.